

ОДИССЕЙ

2021

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF WORLD HISTORY

ODYSSEUS

Man in History

*Social Entities
and Their Metaphorical
Interpetations*

Moscow IWH RAS 2021

ОДИССЕЙ

Человек в истории

*Социальные категории и их
интерпретация на языке
метафор*

ИВИ РАН 2021

УДК 94
ББК 63.3(0)
О-42

Издание основано в 1989 году
А.Я. Гуревичем

Редакционная коллегия:

А.О. ЧУБАРЬЯН (гл. ред.), Ю.Е. АРНАУТОВА (зам. гл. ред.),
А.Б. ГЕРШТЕЙН (отв. секретарь; отв. ред.),
Б.С. КАГАНОВИЧ, О.Е. КОШЕЛОВА (отв. ред.),
К.А. ЛЕВИНСОН, С.И. ЛУЧИЦКАЯ (зам. гл. ред.),
М.Ю. ПАРАМОНОВА, А.В. ТОЛСТИКОВ

Редакционный совет:

В. ВЖОЗЕК, И.Н. ДАНИЛЕВСКИЙ, Н. ЗЕМОН ДЭВИС, А.А. ПАНЧЕНКО,
Л.П. РЕПИНА, Ж.-К. ШМИТТ, П.Ю. УВАРОВ, Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ, М. ЭМАР

Рецензенты:

доктор исторических наук М.С. БОБКОВА,
кандидат исторических наук Е.Д. БРАУН

Одиссей : человек в истории / Ин-т всеобщ. истории РАН. – М.: ИВИ
РАН **2021** : Социальные категории и их интерпретация на языке метафор /
[гл. ред. А.О. Чубарьян ; отв. ред. О.Е. Кошелева, А.Б. Герштейн]. – 2021.
– 000 с. –

ISSN 1607-6184

Очередной выпуск альманаха «Одиссей» («Социальные категории и их интерпретация на языке метафор») посвящен анализу представлений о принципах и формах социальной стратификации в разных культурах. На огромном историческом материале, относящимся к разным эпохам (от Средневековья до раннего Нового времени) и регионам, на примере разнообразных источников – от морально-дидактических и политических трактатов до памятников искусства – авторы обсуждают следующие вопросы: как функционировало социальное воображение в традиционном обществе, как люди описывали тогда устройство современного им общества, по каким принципам вычленили социальные категории и какие мыслительные практики для этого использовали. В других разделах выпуска публикуются статьи и исследования по античной истории и истории крестовых походов. Раздел рецензии представлен критическим этюдом А.Б. Герштейн о новой книге М.Р. Майзульса «Между Христом и Антихристом. «Поклонение волхвов» Иеронима Босха».

Для специалистов по гуманитарным наукам и широкой читательской аудитории.

© Коллектив авторов, 2021

© Кошелева О.Е. Герштейн А.Б., отв. ред.
выпуска, 2021

© Институт всеобщей истории РАН, 2021

А.В. Русанов

ДОМ УЧЕНОСТИ, СЕМЕНА ЗНАНИЯ,
СОКРОВИЩНИЦА НАУКИ: РИТОРИЧЕСКИЕ
ОБРАЗЫ И СОЦИАЛЬНЫЕ МЕТАФОРЫ
ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТСКИХ
СООБЩЕСТВ В XIII–XIV ВВ. *

DOI: 10.32608/1607-6184-2021-29-1-16-34

Аннотация: В статье предлагается попытка изучения представлений об ученых сообществах, характерных для латинского мира XIII–XIV вв. В центре внимания – «метафорический словарь» учёных корпораций. Он сложился в рамках *Ars Dictaminis* в XIII–XIV вв. и использовался для обоснования статуса университетов. Эти метафоры существенно дополняли размытые правовые концепты, описывавшие ученые сообщества (*studium/studium generale, universitas*). Наиболее распространенные образы высшей школы – дом учености, семена знания, сокровище – имели глубокие корни в Священном Писании, но распространение получили благодаря «образцовым» текстам, вошедшим в риторические учебники и суммы. С их помощью социальная действительность интерпретировалась в рамках риторики как эпистемической системы, зачастую пересекавшейся со сферами права и богословия.

В статье данные метафоры рассматриваются с учетом особенностей их распространения, социальных, политических и культурных связей на примере конкретных случаев иберийских университетов Лиссабона (основан между 1288 и 1290 г.) и Льейды (основан в 1300 г.)

Ключевые слова: средневековые университеты, социальные метафоры, *ars dictaminis*, университеты Лиссабон-Коимбры, университет Льейды.

Keywords: medieval universities, social metaphors, *ars dictaminis*, university of Lisbon-Coimbra, university of Lleida.

В статье будут рассмотрены риторические приемы и метафоры, которые применялись в латинской правовой риторике XIII–XIV вв. и которые могут служить важным источником для реконструкции средневековых социальных представлений, в частности, существенно дополнить понимание роли и устройства первых университетов¹. Наряду

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

¹ В данной статье будут рассмотрены только образы и метафоры, описывающие ученые сообщества. Они тесно связаны с рядом других тем, например, образами идеального университетского магистра, о котором см.: *Gabriel*. 1974: 1–40.

с проблемами отношений университета и светских и церковных властей, а также представлений о роли образования, данное направление исследования позволяет по-новому взглянуть на темпоральные и пространственные характеристики данных институтов.

Средневековым университетам, их самоорганизации, отношениям с властями и другими сообществами (например, городскими) посвящено немало исторических исследований. Такое пристальное внимание историков объясняется рядом причин: от сравнительной многочисленности связанных со средневековыми интеллектуалами источников до ощущения преемственности между ними и современной академической средой, к которой принадлежат и историки. Нужно отметить, что в данных исследованиях сами границы изучаемого феномена крайне часто очерчиваются исходя из современных аналогий: идет ли речь о переносе представлений о сущности немецких и австрийских университетов XIX в. в классической работе по институциональной истории университетов у Х. Денифле² или о применении Ж. Ле Гоффом заимствованного у А. Грамши понятия критических интеллектуалов³. Необходимость постоянного переопределения исследуемого феномена связана не только с различием методологий исторической науки в зависимости от периода и школы и, конечно, не только с желанием осознания преемственности европейской интеллектуальной традиции, но и с неопределенностью общего понятия, характеризующего высшие школы и академические сообщества Средних веков. Как известно, в XII–XV вв. не существовало единого термина для описания институтов, чьи наследники впоследствии стали называться университетами и получили распространение по всему миру⁴.

В связи с этим, начиная с классических исследований XIX в., историки немало сил отдали поиску концепта, «обозначавшего то, что мы сейчас называем университетом»⁵, в первую очередь, среди терминов средневекового гражданского права. Главным из этих терминов – наряду с *universitas*, понятием, служившем для обозначения различных типов сообществ⁶, – был, конечно, *studium generale*, обозначение высшей школы, чей правовой статус подтвержден высшей церковной или

² Denifle. 1885.

³ Ле Гофф. 2003.

⁴ О проблеме границ феномена средневекового университета, а также его определяющих особенностей см.: Rüegg. 2003: 3–34; Verger. 2003: 35–74.

⁵ Denifle. 1885: 30–33; Rashdall. 1895: 8–12.

⁶ Подробнее см.: Michaud Quantin. 1970.

светской властью. Оно появляется в документах папской курии в 1-й пол. XIII в., а со второй половины столетия делаются попытки его теоретического осмысления и развернутого определения знатоками гражданского права: одно из первых присутствует в Семи Партидах короля Кастилии и Леона Альфонсо X Мудрого, уникальном памятнике общего права XIII в.⁷ Интерпретации правового понятия *studium generale* делались величайшими болонскими знатоками права, включая Бартоло и Бальда – однако почти исключительно на основе опыта их *alma mater*⁸. Как правило, в исследовательской литературе ключевой привилегией *studia generalia*⁹, отличающей их от прочих школ, называют *jus ubique docendi*, право выпускников преподавать в любой другой высшей школе христианского мира. Однако мы не имеем свидетельств систематического воплощения в жизнь этой привилегии, хотя и описанной в юридических трактатах, но зачастую ограничивавшейся уже в самих текстах папских посланий. Поэтому уже в 1970-х гг. британский исследователь А.Б. Коббан назвал *jus ubique docendi* «ложным следом» (*red herring*), лишь отвлекающим историков средневекового образования и его институтов¹⁰. Соответственно, важной исследовательской проблемой представляется выявление представлений и общих категорий, применявшихся для обозначения высших учебных центров в Европе XIII–XIV в. и служившими ключевыми элементами их описаний, самоописаний и интерпретаций их роли. Едва ли возможно уверенно проследить, что объединяло (и отличало) прославленный университет Болоньи и созданный по его подобию небольшой *studium* где-нибудь на краю Европы – в глазах их выпускников или официалов папской курии. Не менее сложная задача – выяснить, в чем виделось различие понятия *studium* при обозначении городских высших школ (которые и описываются как предшественники современных университетов) и других крупных учебных центров, например, высших школ доминиканцев и францисканцев (также называвшихся *studia generalia*)¹¹.

Решение этих проблем требует подходов не только правовой и институциональной истории, но и, в частности, социальной истории и исторической антропологии, а также истории терминологии, риторики

⁷ См.: Ауров. 2015: 454–465; Попова. 2016: 151–157.

⁸ См.: Ermini. 1942.

⁹ О привилегиях как основе правового статуса средневековых университетов см.: Kibre. 1961.

¹⁰ См.: Cobban. 1975: 28–32.

¹¹ См.: Verger. 1996: 147–164; Roest. 2000.

и т.д. В ряде исследований в рамках этих направлений исследуется комплекс близких проблем, например, процесс конструирования понятий¹². В частности, изучается то, как в течение XIII–XIV вв. применялось и меняло значение выражение *universitas studii* (сообщество тех, кто принадлежит к той или иной высшей школе), до того, как в XV в. оно «срослось» в единое понятие, ставшее прообразом понятия «университет» в Новое время¹³. В историографии также анализируется формирование самоорганизовавшихся сообществ, ставших впоследствии образцами для других учебных центров: университетов Парижа¹⁴, Болоньи¹⁵, Оксфорда¹⁶. Данные исследования включают и анализ того, как эти новые социальные и культурные феномены осмыслились с помощью правовых понятий, риторических и визуальных образов¹⁷.

Не менее важной исследовательской задачей предстает реконструкция способов интерпретации социальной реальности членами университетских сообществ, королевских, императорских, папских канцелярий, когда они говорили об основании нового университета, *studium generale*, и о его наделении какими-либо привилегиями его сообщество-*universitas*. При учете опыта исследований данных процессов, осуществленных в рамках подходов, ориентированных на анализ трансферов и инноваций¹⁸, следует обратить внимание и на многозначность образов и понятий, используемых в данных интерпретациях. Например, важно отметить сохранение у понятия *studium*, к началу XIII в. маркировавшего «совокупность школ одного города»¹⁹, значения «учения, учебы» как процесса, и на переплетение этих значений в текстах источников. Некоторые возможные направления этого исследования, связанные с изучением образов и метафор, использовавшиеся при описаниях (и самоописаниях) ученых сообществ XIII–XIV вв., будут показаны в данной статье. На их основе представляется возможным проследить важные аспекты представлений о месте университета в его отношении университетского сообщества с Церковью и светской властью, о функциях школ в обществе. Подобная исследовательская

¹² См., в первую очередь: Teeuwen. 2003.

¹³ Novarese. 1999: 155.

¹⁴ Gorochov. 2012; Уваров. 2018: 277–305.

¹⁵ Greci. 1988: 13–44; Pini. 2005.

¹⁶ Cobban. 1988.

¹⁷ О теоретических проблемах использования понятия «образ» в культурологических, исторических, филологических исследованиях см.: Митчелл. 2017.

¹⁸ См.: Schwinges. 2008: 3–18.

¹⁹ Weijers. 1979: 261.

задача предполагает большое внимание к методологическим проблемам, в частности, к проблеме историчности социального как особой области человеческого существования и его границ.

О.Г. Эксле при разрешении проблемы соотношения действительности и знания в исторических исследованиях выделял три взаимодействующих пространства для рефлексии: сама социальная реальность прошлого, ее восприятие и истолкование современниками, наше собственное восприятие и истолкование как прошлой действительности, так и ее истолкований²⁰. Говоря о средневековом обществе, находящемся в центре его внимания, он предлагал разделять два вида его самовосприятия, изучение которых позволяет провести «сложное разграничение» между социальными структурами и их понятием о себе. Первый вид – социальные метафоры, то есть «определения-образы». От них отличаются «в большей степени эксплицитные понятийные конструкции, [...] которые стремятся обозначить, упорядочить и интерпретировать социальные данности», названные схемами истолкования социальной действительности (термин заимствован у А. Шютца)²¹ и находящиеся в центре исследовательского интереса Эксле. Однако нельзя не обратить внимание на то, что для исследования принципов конструирования социального в Средние века необходим и анализ социальных метафор²², и того, каким образом мы проводим границу между ними и «рациональными» истолкованиями.

Рассматриваемые в этой статье социальные образы и метафоры университетских сообществ в основном содержатся в риторических преамбулах папских, императорских и королевских посланий. Они созданы в рамках т.н. *ars dictaminis*, специфической системы средневековой риторики, появившейся в нач. XII в. Данное искусство было направлено на использование риторических формул для составления писем и прочих официальных документов²³, при этом их структура основывалась на системе риторических топосов. В частности, пышные преамбулы актов имеет смысл рассматривать как риторическую фигуру снискания расположения, *captatio benevolentiae*. В этом случае, как отмечает французский исследователь С. Барре, становится заметнее роль преамбулы: она, с одной стороны, подкрепляет содержание акта,

²⁰ Эксле. 2007: 28.

²¹ Эксле. 2007: 24, 31.

²² Лущицкая. 2007: 22.

²³ О формировании и развитии *ars dictaminis* см.: Camargo. 1991.

показывая опору на *auctaritates*, с другой стороны – создает «плотную сеть опорных точек» документа²⁴.

Развитие *ars dictaminis* (в формирующейся его традиции играла роль и университетская культура²⁵), в первую очередь, связано с работой крупнейших канцелярий²⁶: с папской курией, чей стиль²⁷, изучавшийся на основе образцовых коллекций²⁸ и учебников²⁹, оказал влияние на весь латинский мир – и с канцелярией императора Фридриха II, чью роль в формировании европейского политического языка Нового времени отмечал уже Э. Канторович³⁰. Одновременно с этим в формировании традиции велика роль индивидуального творчества ряда крупнейших авторов, из чьих текстов составлялись коллекции образцов: в первую очередь, диктатора (главы куриальной канцелярии) кардинала Фомы Капуанского (ок. 1185–1239) и знаменитого Пьетро делла Винья (ок. 1200–1249), главы администрации при дворе Фридриха III³¹, – а также преподавателя риторики в университетах Болоньи и Падуи Бонкомпаньо из Синьи (между 1265 и 1275–1240)³².

Таким образом, в рамках *ars dictaminis* результат индивидуально-го творчества, поводом для которого всегда являлось конкретное событие, становится основой для новых актов творческого описания реальности, а не просто бездумно повторяется³³. Французский исследователь О. Гийожаннен указывает на «арсенал» старых формул и струк-

²⁴ Barret. 2001: 321–336.

²⁵ См.: Ward. 2003: 159–231; Delle Donne. 2018: 79–97.

²⁶ См.: Guyotjeannin. 2001: 18–35.

²⁷ См.: Казбекова. 2005: 218–264.

²⁸ Thumser. 2015: 209–242.

²⁹ Broser. 2015: 243–256.

³⁰ Kantorowicz. 1957: 231–249.

³¹ У Пьетро делла Винья была долгая придворная карьера, он работал сразу в нескольких ипостасях в администрации императора: начинал он как нотариус, затем диктовал писцам тексты императорских посланий, зачитывал послания императора перед городским собранием (это входило в обязанности логофета), членом имперского суда, участвовал в кодификации законов Liber Augustalis 1231 г. Примерно с мая 1243 г. Пьетро – верховный нотариус императорской канцелярии и королевства Сицилии; с июня 1247 г. он становится датариусом – формально ответственным за содержание имперских дипломов. (Я благодарю А.Б.Герштейн за предоставленную мне информацию.)

³² См.: Schaller. 1965: 371–518; Tunberg. 1986: 299–334; Baldini. 2002; Delle Donne. 2004: 143–159; Grévin. 2008; Воскобойников. 2008: 52–55.

³³ Grévin. 2005: 101–115.

тур, имевшихся в распоряжении любой канцелярии и служившими материалами для каждый раз уникальных «ассамбляжей» новых актов³⁴.

С другой стороны, далеко не все риторические «изобретения» становились частью подобного «арсенала». Такова булла Григория XII *Parens scientiarum* (1231 г.)³⁵, чью преамбулу смело можно отнести к одному из шедевров куриальной риторики. В ней переплетаются несколько образов Парижской *studium generale* (среди них – мать наук, библейский град учености Кириаф-Сефер), один из которых, «мастерская учености», вероятно, восходящий к Цицерону, раскрывается в развернутую метафору «производства знания». Риторические истоки этой преамбулы, форма их соединения и то, как с их помощью описывается уникальный социальный институт, а также структурируется и дополняется содержание основной части грамоты, могут стать предметом масштабного исследования. Булла создана во время того, когда папской канцелярией руководил Фома Капуанский, однако ее текст не был включен (в отличие от другого папского послания, в котором описано место Парижского университета в обществе, 1229 г.³⁶) в «Сумму...» прославленного главы канцелярии и, насколько известно, не послужил образцом для других описаний университетских сообществ.

Образы и метафоры используются в подобных текстах как часть сложной системы, риторики, применявшейся для интерпретации реальности (включая феномены, которые в рамках современных научных дисциплин характеризовались бы на языке политологии или социологии). Следует отметить, что появление, развитие и формализация *ars dictaminis* неразрывно связано с социальными и политическими трансформациями (например, процессом бюрократизации)³⁷. Соответственно, не только формальная структура изучаемых текстов, но и предлагаемые в них формы интерпретации социальных феноменов подчинялись внутренней логике риторической традиции³⁸.

В ряде случаев, в том числе, относящихся к образам ученых сообществ, мы можем наблюдать широкое распространение форм интерпретации социальной жизни, заимствованных из риторики. Пожалуй, ярчайшим примером является концепция *translatio studii*, перенос учености, связанная с концепцией переноса высшей политической власти, *translatio imperii*. Данная концепция, ставшая ключевым эле-

³⁴ Guyotjeannin. 2001: 29, 34–35.

³⁵ Chatelain, Denifle. 1889: 136–137.

³⁶ Thumser, Frohmann. 2011: 227–228 = Chatelain, Denifle. 1889: 128–129.

³⁷ Patt. 1978: 133–156; Grévin. 2008: 271–300.

³⁸ Pouspin. 2015: 445–456.

ментом идентичности ряда средневековых университетов XIII–XV вв. (наиболее изучены французские случаи³⁹), заключалась в провозглашении преемственности при перемещении основного центра учености: из Афин в Рим, из Рима, – например, в Париж, что соотносилось с изменением центра высшей политической власти. Нужно отметить, что понятие *translatio* является латинской калькой греческого метафора. Так что из риторики был заимствован сам концепт переноса, имевший важнейшее значение для осмысления социальной действительности. В частности, велика его роль при формировании специфической общей категории, описывавшей и систематизировавшей различные центры образования, а также при характеристике их места во времени и пространстве⁴⁰.

При этом необходимо не упускать из внимания как взаимное пересечение парадигм (семи свободных искусств, высших доктрин: права и богословия), в рамках которых могло происходить истолкование социальной реальности, так и их эволюцию. В отношении образов ученых сообществ в связи с этим нужно рассмотреть описание «идеальной школы» в трактате «Новейшая риторика» Бонкомпаньо из Синьи (1235 г.): «Дом для школьного обучения следует возводить на вольном и чистом воздухе [...] Он должен быть удалён от скоплений женщин, от площадного шума, от лошадиного топота, от кораблей, от собачьего лая, от вредоносных пересудов [...] При этом два или три окна должны быть расположены так, дабы учитель время от времени, а особенно в приятную погоду, мог взирать на то, что находится снаружи, на деревья, огороды и сады, ибо от созерцания приятных вещей укрепляется память⁴¹». Это риторическое описание, близкое к топосу «идеального пейзажа»⁴², было включено в целый ряд правовых текстов XIII–XIV вв.⁴³ и оказало существенное влияние на формирование

³⁹ *Lusignan*. 1997: 71–85; *Destemberg*. 2015: 41–42.

⁴⁰ О данной концепции в контексте риторики, помимо Э.Р. Курциуса (*Курциус*. 2021: 1: 107–108), см. недавнее исследование: *Bolduc*. 2020: 21–54.

⁴¹ “*Domus scholastice discipline in libero et puro aere construat. Remota sit a frequentationibus mulierum, a clamoribus fori, ab equorum strepitu, a navigio, a latratu canum, a nocivis rumoribus [...]*” (*Gaudenzi*. 1892: 288 (8.1.20))

⁴² *Курциус*. 2021: 1: 297–319.

⁴³ Пожалуй, наиболее известным стало описание идеального университета во Второй партиде Альфонсо X Мудрого: «Город, в котором учреждается школа, должен обладать хорошим воздухом и красивыми окрестностями, дабы магистры, преподающие науки, и школяры, их изучающие, жили там во здравии и могли отдыхать и радоваться вечером, когда бы они, устав, поднимались от занятий [...]» («[...] de buen ayre e de fermosas sallidas deve ser la villa o quieren establecer el Estudio, porque los maestros que muestran los saberes e los escolares que los aprenden vivan sanos en

пространственных характеристик основывавшихся в XIII–XIV вв. университетов (в частности, иберийских)⁴⁴. В ряде случаев оно приобретало дополнительное богословское значение, дополняясь библейским образом «Софии – дома премудрости»⁴⁵, имевшим долгую историю в христианской ученой культуре⁴⁶. В других случаях оно использовалось при поисках правового определения *studium generale*, в частности, границ распространения привилегий его корпорации. В этом случае «идеальный пейзаж идеальной школы» становился описанием реального университетского квартала, что порой приводило к конфликтам с горожанами⁴⁷.

Немецкий исследователь М. Кинцингер обратил внимание еще на одну важную новую сферу использования понятия “*scolastica domus*”⁴⁸, которое начинает применяться для обозначения университетского сообщества-*universitas*. Так, в сер. XIV в. схоласт Конрад Мегенбергский (1309–1374) в своем трактате *Yconomica* дает следующее определение: «Школьный дом – это общность лиц (*communicasio personarum*), которые обучают людей, и тех, кто у них учится, посто-

él, et puedan folgar e rescebir plazer a la tarde, quando se levantaren cansados del estudio». (*Lopez*. 1555: 115(II. 31.2.))

⁴⁴ См.: *Русанов*. 2016: 1–21; *Rusanov*. 2018: 55–77.

⁴⁵ «Премудрость построила себе дом, выгесала семь столбов его, заколола жертву, растворила вино свое и приготовила у себя трапезу; послала слуг своих провозгласить с возвышенностей городских: “Кто неразумен, обратись сюда!”» (Притчи 9:1–4)

⁴⁶ См.: *Kintzinger*. 2006: 15–46.

⁴⁷ Ср. с указанием в грамоте португальского короля Диниша, утверждающей статуты и привилегии университета, после его переезда из Лиссабона в Коимбру (1309 г.): «[...] мы решили позаботиться о том, чтобы уничтожить повод, который всех наших студентов лишает покоя, необходимого для всякого рода обучения, и потому мы заранее желаем позаботиться (о них), устранять от них искушение мирских дел и военного шума, а также земной любви, насколько можем, и поэтому мы желаем и приказываем нашим рыцарям, их оруженосцам и пажам, а также всем танцовщицам нашего королевства, а кроме того, всем акробатам и актёрам, чтобы они близко не подходили к домам школяров или докторов ни ради проживания, ни ради пропитания [...]» (“*studendi omnimodam preparemus quod cura exsequimur vigilantium dum ab eis negotiorum secularum et strepitus mjilitaris necnom mundane dilectationis appetitum vt posumus amouemus projnde volumus et mandamus nostris comjlitonjbus eorum armjgeris et rapaucibus necnom vnjuersis soldaideiris regni nostri et omnibus instrionjbus acque mimis vt dejnceps ad domos scolarium uel doctorum causa ibidem hospitandi uel comedendi [...]» (*Moreira da Sá*. 1967: 46). Этот пассаж сыграл роль в сложных отношениях университетской корпорации и городского сообщества Коимбры (См.: *Русанов*. 2016: 1–21).*

⁴⁸ *Kintzinger*. 2011: 201–229.

янно пребывая в учёных занятиях. Я говорю “общность”, чтобы отличить от дома одного человека, ибо общность относится ко множеству людей, а не к одному [...] Также говорю “те, кто обучает людей, и те, кто у них учится”, чтобы отличить от другой домашней общности, то есть общения мужа и жены, господина и раба и прочего. Также говорю “постоянно пребывая”, чтобы отличить от материального дома, называемого школой, в котором проходят школьные упражнения. Есть четыре рода школьных домов, это школы артистов, медиков, юристов и богословов. Так их разделяет наша достопочтенная мать, Парижский университет [...]»⁴⁹.

Для М. Китцингера этот пассаж – важнейшее свидетельство смелых представлений об архетипичной «обители учености»: вместо уединенной монашеской кельи или епископской библиотеки ею становится публичная школа. Но в рамках данного исследования важно отметить то, как ранее широко использовавшееся понятие встраивается в новую «систему координат», в данном случае основанную на *Экономике* Аристотеля⁵⁰. Таким образом, на протяжении XIII–XIV вв. «дом учености» оказывается и частью риторического топоса, и богословской метафорой, и правовым термином – и элементом «экономического» (в аристотелевском понимании) описания. Причем использование данного образа в том или ином тексте могло лежать на пересечении нескольких парадигм.

Другим важным аспектом анализа метафор университетских сообществ в риторике правовых текстов являются пути их заимствования и локальные контексты их использования, которые будут рассмотрены на примере иберийский университетов кон. XIII – нач. XIV вв. На формирование местной канцелярской риторики (как и в

⁴⁹ “Scolastica domus est communicacio personarum docentis hominis et illorum qui ab eo discount in mansorio sollicitudinis litterarum, Dico >communicacio< ad differenciam domus unius hominis, quia communicacio proprie est plurium hominum... Dico eciam >docentis et eorum, qui discount<, ad differenciam aliarum comunicacionum in domo, sicut est communicacio viri ad uxorem et domini ad servum et huiusmodi. Atque dico >in mansorio< ad differenciam domus materialis, que scola dicitur, in qua disciplina scolastica exercetur [...] Scolasticarum autem domorum quatuor sunt genera, quia sunt scole artistarum, medicorum, iuristarum et theologorum. Sic enim distinguit eas mater nostra venerabilis universitas Parisiensis [...]” (*Kruger*. 1984: 17–19 (3.2–3))

⁵⁰ Необходимо отметить, что для О.Г. Эксле именно XIV в. (в первую очередь, в связи с работами представителей номинализма) оказывается переломным моментом, начиная с которого рефлексия об обществе перестает носить метафизический характер (*Эксле*. 2007: 89–92).

других частях латинского мира) огромное влияние оказала традиция папской канцелярии. Образцами для королевских и епископских актов служили тексты папских булл⁵¹, а посредниками, в том числе, и для распространения *ars dictaminis* выступали папские легаты⁵². Не менее важными были связи с традициями имперской канцелярии, особенно значительные, конечно, при дворе правнука Фридриха I Барбароссы короля Кастилии и Леона Альфонсо X Мудрого⁵³, стремившегося продолжать традиции Штауфенского дома, потерявшего к тому времени трон, в частности, к последнему яркому представителю этой династии, Фридриху II. Со 2-й пол. XIII в. на Иберийском полуострове получают распространения знаменитые суммы Фомы Капуанского, Пьетро делла Виньи и Бонкомпаньо из Синьи и др.⁵⁴, одновременно был составлен ряд местных сумм и руководств⁵⁵.

Пожалуй, центральной и наиболее изученной концепцией, развивавшейся на пересечении риторики и права в иберийских королевствах 2-й половины XIII в., была идея разумного и просвещенного монарха, *rex sapiens* и *rex literatus*⁵⁶. Такой король предстает обладателем мудрости, наиболее приближенной к божественной, в его фигуре соединяются небесное и земное измерение права, необходимого для процветания подданных⁵⁷. Неотъемлемым атрибутом разумного государя являлась забота об учености, *studium*, важнейшим воплощением которой было основание *studium generale*, неизменно сопровождавшееся (если не исчерпывавшееся) торжественной грамотой. Распространение и эволюция данного образа, а также его применение в риторике правовых актов и в рамках стратегий основания университетов связана с «сетью» придворных интеллектуалов Пиренейского полуострова. В результате их деятельности образовалось единое культурное про-

⁵¹ См., например, исследование этого влияния в Португалии: Marques. 1999: 271–305.

⁵² Fleisch. 2009: 135–155.

⁵³ См.: Bertolucci Pizzorusso. 2006: 75–92.

⁵⁴ Самые ранние манускрипты датируются XIV в. Рукописи суммы Фомы Капуанского: Schaller, Stobener. 2017: 7–8, 39–40, 139–144 (n° 4, 25, 75, 76, 77); Пьетро делла Виньи: Schaller, Vogel. 2002: 13–15, 99–100 (n° 8, 9, 63); Бонкомпаньо из Синьи: Polak. 1994: 141–142 (n° 2613).

⁵⁵ Grévin. 2015: 309–346.

⁵⁶ Rucquoi. 1993: 77–87; Kleine. 2015: 63–98.

⁵⁷ Эта концепция дополнялась учением об уровнях знания, приличествующих каждому сословию и о наивысшем земном знании, необходимом королю, см.: Rico. 1984: 130–133.

странство, подразумевавшее постоянный обмен идеями, практиками, в том числе, и риторическими формулами⁵⁸.

Часть этих формул и включаемых в них метафор восходит к знаменитым суммам *ars dictaminis*. Одним из самых влиятельных «образцовых» документов, связанных с задачами *studium*, была грамота об основании Фридрихом II Неаполитанского университета, вошедшая в собрание грамот Пьетро делла Виньи, в частности, следующий пассаж: «...мы желаем, чтобы в нашем королевстве многие мужи стали бы благоразумными и предусмотрительными благодаря источнику, из которого черпаются [haustum] науки, и рассаднику [в части рукописей – семенам] учений, и чтобы, став рассудительными, они учением и почитанием законов служили бы справедливому Богу, которому служит всё⁵⁹, и были бы нам угодны своей заботой о справедливости, коей мы прежде всего повелеваем повиноваться⁶⁰».

Французский исследователь Б. Гревен отмечает творческую переработку метафор Пьетро делла Виньи⁶¹. В том числе, это касается и метафоры семян учености, восходящей к Библии⁶², в грамоте арагонского короля Жауме II (1291–1327 г.) об основании университета в Льеиде (Лериде) в 1300 г.: «Ибо наша душа движима заботой о том, чтобы, нам сколь на пользу, столь и в украшение, обучились, благодаря семенам учений, благоразумные мужи, став еще более благоразумными, благодаря учению, и чтобы они Богу, и нам были тем угодны, а нашим королевствам и землями, коими мы по Божьему благоволению управляем, принесли бы благотворные плоды⁶³». Таким образом, роль

⁵⁸ Важнейшие особенности этой сети и осуществляемых ею трансферов выявлены в просопографическом исследовании немецкого историка И. Фляйша: *Fleisch*. 2006.

⁵⁹ Пс. 118:91; Блаженный Августин. Исповедь. Кн. V. 4.7.

⁶⁰ “[...] in regnum nostrum desideramus multos viros prudentes et providos fieri per scientiarum haustum et seminarium [var. semina doctrinarum], qui facti discreti per studium et per observationem iuris iusti Deo serviant, cui serviunt omnia, et nobis placeant per cultum iustitiae, cuius preceptis omnes precipimus obedire”. (Цит. по: Grévin. 2015: 331)

⁶¹ Grévin. 2015: 332.

⁶² Помимо притчи о сеятеле, стоит отметить и стих Екклезиаста: «Утром сей семья твое, и вечером не давай отдыха руке твоей, потому что ты не знаешь, то или другое будет удачнее, или то и другое равно хорошо будет». (Екк. 11:6)

⁶³ “Dum noster curis animus agitur assiduis, quam nobis sit utile, quam decorum viros erudire prudentes per semina doctrinarum, qui per studium prudentiores effecti, Deo nobisque complacent, ac regni, et terris nostris, quibus Deo propitio presidemus, fructus afferant salutare [...]” (Цит. по: Grévin. 2015: 331.)

университета характеризуются через метафору плодов, родившихся от семян учений.

В Португалии, чья традиция *ars dictaminis* до сих пор остается малоисследованной⁶⁴, в схожем пассаже больший акцент сделан на фигуре сеятеля, которым выступает сам король Диниш (1279–1325), основатель университета. В грамоте, дарованной португальскому университету в 1309 г., после его переезда из Лиссабона в Коимбру сказано: «Ведь король никак не мог бы лучше достигнуть того, чтобы весьма расцвела справедливость, чем если бы приказал засеять всяческие земли и королевство, ему доверенное, семенем, ибо именно так милостью того, кто из смертного семени приносит обильный плод, королевство произвело бы сияющие (славой) пальмовые ветви (*palmas*) справедливости, а земля — свои плоды, то есть мужей, всячески выдающихся в науке красноречия, поэтому точно так же учеными мужьями ради всех благ вашей небесной милости, которым они служат, король и королевство весьма укрепляются крепостью справедливости (*soliditate justitie solidentur*)»⁶⁵. Таким образом, метафора семян учености, не являющаяся центральной в тексте Пьетро делла Виньи, становится по сути «программой» «мудрого короля», который не только сам засеивает ими доверенные ему Богом земли, но и связывает их плоды (в данном случае — уже самих благоразумны мужей, а не их труды) с печением о главной добродетели государя — справедливости.

В заключение следует добавить, что при анализе метафор можно заметить внутренние противоречия источника, освещающие важные социальные и политические аспекты ситуации, в которой он был создан. Например, грамота, дарованная королем Динишем только что

⁶⁴ Стоит отметить, что, как признает ведущий современный исследователь *ars dictaminis* Б. Гревен, для Португалии XIII–XIV вв. использование риторической традиции изучено очень мало (*Grévin*. 2015: 345). О рукописной традиции риторических трактатов в Португалии см.: *Polak*. 1994: 97–100.

⁶⁵ “*Quippe hec rex culte justitie nusquam mellius poterit ducere quam si terram et regnum sibi comjsum faciat semjne multiblicabillem semjnari vt sic demum per illius gratiam qij de mortificato semine plurium frutum afert regnum emictas palmas justitie et terra germjnet fructose suas scilicet viros eloquiorum doctrina multipliciter insignatos vt perinde uestre celstis gratie viris literatis ad omnem bonum quomodo operantibus rex et regnum in soliditate justitie solidentur [...]*” (*Moreira da Sá*. 1967: 43–44). Существуют небезосновательные предположения, что в этой грамоте были использованы фрагменты более раннего документа, созданного при основании университета в Лиссабоне одновременно с рассматривавшейся ранее грамотой 1290 г. См.: *Moreira da Sá*. 1964: 34–35.

основанному Лиссабонскому университету в 1290 г., начинается со следующего пассажа: «Известно, что чудесная сокровищница науки, которая чем более расширяется, тем более прирастает богатством, просвещает мир духовным и светским образом, ибо через её прибавление все мы, католики, познаём Бога, Создателя нашего и во имя Его Сына Господа нашего Иисуса Христа преисполняем католической верой. Когда же Ему мы, его слуги, и иные правители, а также подданные, повинемся, то от такого повиновения наша жизнь направляется на служение справедливости, принесённой этой наукой⁶⁶». В данном случае использование метафоры сокровищницы, имевшей огромное распространение в богословских текстах⁶⁷, вкуче с ее предназначением для «познания веры», вероятно, отражает первоначальные планы об основании в университете не только правового, но и теологического факультета. Метафора «сокровища/сокровищницы науки» (или сокровищницы премудрости, *thesaurus sapientiae*) восходит к посланию апостола Павла Колоссянам: «Дабы утешились сердца их, соединенные в любви для всякого богатства совершенного разумения, для познания тайны Бога и Отца и Христа, в Котором сокрыты все сокровища премудрости и ведения» (Кол. 2:2–3)⁶⁸. Эти стихи, не раз толковались и отцами Церкви (Амвросием Медиоланским и Августинном), и средневековыми богословами (например, Бернардом Клервосским)⁶⁹. Однако она, насколько можно судить, к концу XIII в. не использовалась для обозначения школы или университета⁷⁰: сокровищем

⁶⁶ “Scientie thesaurus mirabilis qui dum plus dispergitur incrementum maioris suscipit ubertatis mundum spiritualiter & temporaliter dignoscitur illustrare quoniam per ejus acquisitionem nos omnes catolicj deum creatorem nostrum cognoscimus & in eiusdem filii domini nostri Ihesu xpi nomine fidem catholicam apexamur cum etiam nobis ipsius ministris ac alijs principibus a subditis obeduntur ex quorum obedientia uita ipsorum ministerio iustitie tradite per ipsam scientiam informatur” (*Moreira da Sá*. 1967: 10)

⁶⁷ Лексический анализ использование слова «сокровище/сокровищница» (*thesaurus*) в Средние века, в том числе, и для описания духовной сферы см.: *Guerreau-Jalabert, Bon*. 2010: 11–32.

⁶⁸ Вульгата: “...ut consolentur corda ipsorum, instructi in caritate, et in omnes divitias plenitudinis intellectus, in agnitionem mysterii Dei Patris et Christi Jesu: in quo sunt omnes thesauri sapientiae et scientiae absconditi”.

⁶⁹ См., например: *Ambrosius Mediolanensis*. Expositio psalmi CXVIII. 1, 16; *Augustinus Hipponensis*. De peccatorum meritis et remissione et de baptismo parvulorum. II, 17, 27; *Bernardus Claraeuellensis*. Sententiae. Sententia 111. См.: *Leclercq, Rochais*. 1972: 6.2.: 191.; *Albertus Magnus*. Commentarii in quartum librum Sententiarum. Dist. 49 V. Art. 7. См.: *Borgnet*. 1894: 100.

⁷⁰ Насколько можно судить, подобную роль данный образ начал играть позже. Уже в риторике Нового времени появляется устойчивое выражение “Omnis

была сама высшая премудрость, сокрытая во Христе и открывающаяся совершенному разумению, чьи пути должно было постигать богословие⁷¹. Однако буллой того же 1290 г. папа Николай IV не дал разрешения на основание богословского факультета⁷². Соответственно, размылось значение риторического образа, и целью «сокровищницы науки» стало служение справедливости и украшение государя, желающего укрепить свой статус. Стоит также отметить, что грамота короля Диниша 1290 г. не вошла в картулярий Португальского университета и была вскоре полностью забыта⁷³, в отличие, к примеру, от рассмотренной выше грамоты 1309 г. являвшейся частью университетского корпоративного права до XVIII в.

Как показано при анализе рассмотренных в статье случаев, образы и метафоры, применявшиеся в Средние века для описания сообществ, а частности, университетов, не должны рассматриваться ни как лишённые систематичности и рациональности, примерные «описания-образы», ни как мертвые, оторванные от жизни элементы риторики. В связи с этим становится заметна важность вопроса о том, насколько к подобным элементам средневековых текстов может быть применимо современное понятие социальной метафоры, неразрывно связанное с модерным представлением о сущности социального, а также о границах рациональности. В то же время, плодотворным представляется рассмотрение этих метафор с учетом тех эпистемических систем, в рамках которых они созданы (риторика, право, богословие) и которые использовались для рефлексии об обществе. Это может существенно обогатить как локальную, так и общеевропейскую историю средневекового высшего образования.

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

doctrinae ac scientiae thesaurus altissimus” («Высочайшая сокровищница всех учений и наук»). См., например (где оно приписано Цицерону): *Danet*. 1707: 16.

⁷¹ Ср. у Иоанна Солсберийского: ‘Porro scientiae thesaurus nobis duobus modis exponitur: cum aut rationis exercitio quod sciri potest intellectus invenit; aut quod absconditum revellans gratia oculis ingerens patefacit. Sic utique aut per naturam aut per gratiam ad veritatis agnitionem et scientiam eorum quae necessaria sunt unusquisque potest accedere’. (Polieraticus. III. 1, 1, 173)

⁷² *Moreira da Sá*. 1967: 12–13.

⁷³ Грамота была обнаружена только в начале XX в. в муниципальном архиве г. Лейрии, см.: *Vasconcelos*. 1912: 604–636.

Buoncompagno da Signa. Rhetorica novissima (Iuridica Medii Aevi Bibliotheca, vol. II.) / Ed. A. Gaudenzi. Bologna, 1892.

Chartularium Universitatis Parisiensis / Ed. E. Chatelain, H. Denifle. T. I. P., 1889.

Chartularium Universitatis Portugalensis. Vol. I. Lisboa, 1967.

Die Briefsammlung des Thomas von Capua / Hrsg. M. Thumser, J. Frohmann. München, 2011.

Die Werke des Konrad von Megenberg (Fortsetzung) Ökonomik (Yconomica). Teil 3 / Hrsg. S. Krüger (Staatsschriften des späteren Mittelalters 3,3). Stuttgart, 1984.

Las Siete Partidas del Sabio Rey Don Alfonso El nono, nuevamente Glosadas por el Licenciado Gregorio Lopez del Consejo Real de Indias de su Magestad. Segunda Partida. Madrid, 1555. (Repr.: Madrid, 1985.)

ЛИТЕРАТУРА

Ауров О.В. Partid. II. 31: «Об училищах, где усваиваются науки, и о магистрах, и о студентах» // Исторический вестник. 2015. Т. 12 (159). С. 454–465.

Воскобойников О.С. Душа мира: Наука, искусство и политика при дворе Фридриха II (1200–1250). М., 2008. С. 52–55.

Казбекова Е.В. Приемы ритмизованной прозы (cursus) в сводах декретально-го права и использование cursus в Новеллах Иннокентия IV (1243–1254) // Средние века. 2005. Вып. 66. С. 218–264.

Курциус Э.Р. Европейская литература и латинское Средневековье / Пер., коммент. Д.С. Колчигина; под ред. Ф.Б. Успенского. 2тт. М., 2021.

Луцицкая С.И. Введение: история как игра метафор // Одиссей. Человек в истории 2007. История как игра метафор: метафоры истории, общества и политики. М., 2007. С. 19–23.

Митчелл У.Дж.Т. Иконология. Образ. Текст. Идеология / Пер. В. Дрозд. Екатеринбург, 2017.

Попова Г.А. Университет, каким он должен быть (31 Титул Второй Партиды Альфонсо X) // Universitas historiae. Сб. статей в честь Павла Юрьевича Уварова. М., 2016. С. 151–157.

Русанов А.В. Locus Studii: Португальский университет и городское пространство (кон. XIII – сер. XV вв.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2016. № 6 (50). С. 1–21.

Уваров П.Ю. От школ к университету: рождение корпорации // Городские сообщества Западной Европы в Средние века / Ред. П.Ю. Уваров. М., 2018. С. 277–305.

Эксле О.Г. Схемы истолкования социальной действительности в раннее и высокое Средневековье в аспекте истории и знания // Эксле О.Г. Действительность и знание: очерки социальной истории Средневековья. М., 2007. С. 23–95.

Barret S. 'Ad captandam benevolentiam': stéréotype et inventivité dans les préambles d'actes médiévaux // Auctor et auctoritas. Invention et conformisme dans l'écriture médiévale, Actes du colloque tenu à l'Université de Versailles-Saint-Quentin-en-Yvelines, 14–16 juin 1999 / Dir. M. Zimmermann. P., 2001. P. 321–336.

Bertolucci Pizzorusso V. Los tratados retóricos italianos y la corte alfonsina // La coronica: A Journal of Medieval Hispanic Languages, Literatures, and Cultures. 2006. Vol. 34/2. P. 75–92.

Bolduc M. Translation and the rediscovery of rhetoric. Toronto, 2020.

Brosier T. Les règles de l'ars dictaminis à la Curie pontificale durant le XIIIe siècle // Le dictamen dans tous ses états. Perspectives de recherche sur la théorie et la pratique de l'ars dictaminis (XIe-XVe siècles) / Ed. B. Grévin, A.-M. Turcan-Verkerk. Turnhout, 2015. P. 243–256.

Camargo M. Ars dictaminis, ars dictandi. Turnhout, 1991.

Cobban A.B. The Medieval English Universities: Oxford and Cambridge to c. 1500. Berkeley, Los Angeles, 1988.

Cobban A.B. The Medieval Universities: Their Development and Organization. L., 1975.

Delle Donne F. The University of Naples and the Organisation of Official Culture // CIAN. Revista de historia de las universidades. 2018. Vol. 21. N° 1. P. 79–97.

Delle Donne F. Una costellazione di epistolari del XIII secolo: Tommaso di Capua, Pier della Vigna, Nicola da Rocca // Filologia Mediolatina. 2004. Vol. 11. P. 143–159.

Destemberg A. L'honneur des universitaires au Moyen Âge: Étude d'imaginaire social. P., 2015.

Ermini G. Concetto di "Studium generale". Modena, 1942.

Fleisch I. Legados Papales como Intermediarios de Normas Jurídicas y Valores Culturales // Roma y la Península Ibérica en la Alta Edad Media.

La constucción de espacios, normas y redes de relación / Coord. S. Domínguez Sánchez, K. Herbers. León, Göttingen, 2009. P. 135–155.

Fleisch I. Sacerdotium – Regnum – Studium. Der westiberische Raum und die europäische Universitätskultur im Hochmittelalter. Prosopographische und rechtsgeschichtliche Studien. Münster, 2006.

Gabriel A.L. The Ideal Master of the Mediaeval University // The Catholic Historical Review. 1974. Vol. 60. No. 1. P. 1–40.

Gorochoy N. Naissance de l'université. Les écoles de Paris, d'Innocent III à Thomas d'Aquin, v. 1200-v. 1245. P., 2012.

Greci R. L'associazionismo degli studenti dalle origini alla fine del XIV secolo // Studenti e università degli studenti dal XII al XIX secolo / A cura di Gi.P. Brizzi, A.I. Pini. Bologna, 1988. P. 13–44.

Grévin B. L'écriture du latin médiéval, XIIIe-XIVe siècle: Les paradoxes d'une 'individuation' stylistique // L'individu au Moyen Âge / Dir. D. Iogna-Prat, B. Bedos-Rezak. P., 2005. P. 101–115.

Grévin B. Les mystères rhétoriques de l'État médiéval: L'écriture du pouvoir en Europe occidentale (XIIIe-XVe siècle) // Annales. Histoire, Sciences Sociales. 2008. An. 63. No. 2. P. 271–300.

Grévin B. Rhétorique du pouvoir médiéval: Les Lettres de Pierre de la Vigne et la formation du langage politique européen (XIIIe-XVe siècles). Rome, 2008.

Grévin B. Théorie et pratique du dictamen dans la péninsule ibérique (XIIIe-XIVe s.). Quelques jalons // Le dictamen dans tous ses états. Perspectives de recherche sur la théorie et la pratique de l'ars dictaminis (XIe-XVe siècles) / Éd. B. Grévin, A.-M. Turcan-Verkerk. Turnhout, 2015. P. 309–346.

Grévin B. Théorie et pratique du dictamen dans la péninsule ibérique (XIIIe-XIVe s.). Quelques jalons // Le dictamen dans tous ses états. Perspectives de recherche sur la théorie et la pratique de l'ars dictaminis (XIe-XVe siècles) / Éd. B. Grévin, A.-M. Turcan-Verkerk. Turnhout, 2015. P. 309–346.

Guerreau-Jalabert A., Bon B. Le trésor au Moyen Âge: étude lexicale // Le trésor au Moyen Âge. Discours, pratiques et objets / Ed. L. Burkart, Ph. Cordez, P.A. Mariaux, Y. Potin. Florence, 2010. P. 11–32.

Guyotjeannin O. Écrire en chancellerie // Auctor et auctoritas. Invention et conformisme dans l'écriture médiévale, Actes du colloque tenu à l'Université de Versailles-Saint-Quentin-en-Yvelines, 14–16 juin 1999 / Dir. M. Zimmermann. P., 2001. P. 18–35.

Kantorowicz E.H. The Prologue to Fleta and the School of Petrus de Vineia // Speculum. 1957. Vol. 32. No. 2. P. 231–249.

Kibre P. Scholarly Privileges in the Middle Ages. The Rights, Privileges, and Immunities of Scholars and Universities at Bologna, Padua, Paris, and Oxford. L., 1961.

Kintzinger M. Liberty and limit: Controlling and challenging knowledge in late medieval Europe // Knowledge, Discipline and Power in the Middle Ages. Essays in honour of David Luscombe / Ed. V. Joseph Canning, E. King, M. Staub. Leiden; Boston, 2011. P. 201–229.

Kintzinger M. Monastische Kultur und die Kunst des Wissens im Mittelalter // Kloster und Bildung im Mittelalter / Hrsg. N. Kruppa, J. Wilke. Göttingen, 2006. S. 15–46.

Kleine M. Imágenes del poder real en la obra de Alfonso X (III): Rex sapiens // De Medio Aevo. 2015. 7. P. 63–98.

Lusignan S. L'Université de Paris comme composante de l'identité universitaire en France (XIIIe — XVe siècle): étude sur le thème de la translatio studii // Identité régionale et conscience nationale en France et en Allemagne au Moyen Âge / Éd. R. Babel, J.-M. Moeglin. Sigmaringen, 1997. P. 71–85.

Marques J. L'influence des bulles papales sur les actes portugais au Moyen Âge // Papsturkunde und europäisches Urkundenwesen. Studien zu ihrer formalen und rechtlichen Kohärenz vom 11. bis 15. Jahrhundert / Hrsg. P. Herde, H. Jakobs. Köln, 1999. S. 271–305.

Michaud Quantin P. Universitas: expressions du Mouvement Communautaire dans le Moyen Âge Latin. P., 1970.

Moreira de Sá A. Dúvidas e problemas sobre a Universidade Medieval Portuguesa. Lisboa, 1964.

Novarese D. I privilegi delle Università di fondazione regia fra medioevo ed età moderna // Das Privileg im europäischen Vergleich. Frankfurt am Main, 1999. Bd. 2. S. 155–170.

Patt W.D. The Early Ars dictaminis as Response to a Changing Society // Viator. 1978. Vol. 9. P. 133–156.

Pini A.I. Studio, università e città nel medioevo bolognese. Bologna, 2005.

Polak E. Medieval & Renaissance Letter Treatises & Form Letters. A Census of Manuscripts Found in Part of Western Europe, Japan & the United States of America. Leiden, N.Y.; Köln, 1994.

Pouspin M. Images et idéologie politique // Les images dans l'Occident médiéval / Éd. J. Baschet, P.-O. Dittmar. Turnhout, 2015. P. 445–456.

Rico F. Alfonso X el Sabio y la “General Estoria”. Tres lecciones. Barcelona, 1984.

Roest B. A history of Franciscan education (c. 1210–1517). Leiden; Boston, 2000.

Rucquoi A. El rey sabio: cultura y poder en la monarquía medieval castellana // *Repoblación y reconquista. Actas del III Curso de Cultura Medieval. Aguilar de Campo, 1993. P. 77–87.*

Rüegg W. Themes // *A History of the University in Europe: Vol. 1. Universities in the Middle Ages. Cambridge, 2003. P. 3–34.*

Rusanov A. Locus Studii: Spatial Concepts In The First Iberian Universities (XIII–XIV cc.) // *HSE Social and Education History. 2018. No. 1. P. 55–77.*

Schaller H.M., Stobener K., Thumsen M., *Handschriftenverzeichnis zur Briefsammlung des Thomas von Capua. Wiesbaden, 2017.*

Schaller H.M. Studien zur Briefsammlung des Kardinals Thomas von Capua // *Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. 1965. Bd. 21. S. 371–518.*

Schaller H.M., Vogel B. *Handschriftenverzeichnis zur Briefsammlung des Petrus de Vinea. Hannover, 2002.*

Schwinges R.Ch. The Medieval German University: Transformation and Innovation // *Schwinges R.Ch. Studenten und Gelehrte: Studien zur Sozial- und Kulturgeschichte deutscher Universitäten im Mittelalter. Leiden, 2008. P. 3–18.*

Teeuwen M. The Vocabulary of Intellectual Life in the Middle Ages. Turnhout, 2003.

Thumser M. Les grandes collections de lettres de la Curie pontificale au XIIIe siècle. Naissance – structure – édition // *Le dictamen dans tous ses états. Perspectives de recherche sur la théorie et la pratique de l’ars dictaminis (XI-e – XV-e siècles) / Éd. B. Grévin, A.-M. Turcan-Verkerk. Turnhout, 2015. P. 209–242.*

Tunberg T.O. What is Boncompagno's 'Newest Rhetoric'? // *Traditio. 1986. Vol. 42. P. 299–334.*

Il pensiero e l’opera di Boncompagno da Signa. Atti del Primo Convegno Nazionale (Signa 23–24 febbraio 2001) / A cura di M. Baldini. Greve in Chianti, 2002.

Vasconcelos A. de. Um documento precioso // *Revista da Universidade de Coimbra. 1912. Vol. I. P. 604–636.*

Verger J. Patterns // *A History of the University in Europe: Vol. 1. Universities in the Middle Ages. Cambridge, 2003. P. 35–74.*

Verger J. *Studia mendicanti e università // Il pragmatismo degli intellettuali: Origini e primi sviluppi dell’istituzione universitaria / A cura di R. Greci. Torino, 1996. P. 147–164.*

Ward J.O. Rhetoric in the Faculty of Arts at the Universities of Paris and Oxford in the Middle Ages: a Summary of the Evidence // *Archivum Latinitatis Medii Aevi. 2003. Vol. 61. P. 159–231.*

Weijers O. Terminologie des universités naissantes: Étude sur le vocabulaire utilisé par l’institution nouvelle // *Soziale Ordnungen im Selbstverständnis des Mittelalters. B., 1979. P. 258–280.*

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНЫЕ КАТЕГОРИИ И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ НА ЯЗЫКЕ МЕТАФОР

С.И. Лучицкая

МЕТАФОРЫ ОБЩЕСТВА: СОЦИАЛЬНОЕ ВООБРАЖЕНИЕ В
СРЕДНИЕ ВЕКА И РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ (*вместо*
Введения).....5

А.В. Русанов

ДОМ УЧЕНОСТИ, СЕМЕНА ЗНАНИЯ, СОКРОВИЩНИЦА
НАУКИ: РИТОРИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ И СОЦИАЛЬНЫЕ
МЕТАФОРЫ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТСКИХ
СООБЩЕСТВ В XIII–XIV ВВ.....16

П.С. Бычков

МЕТАФОРА ТЕЛА КАК СПОСОБ ОПИСАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО
В «КНИГЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕЛА»
КРИСТИНЫ ПИЗАНСКОЙ.....35

Л. А. Пименова

ОТ ДРЕВА МОНАРХИИ К НАЦИИ: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ
МЕТАФОР ВО ФРАНЦУЗСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ
ДИСКУРСЕ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ.....51

Т.В. Артемьева

«ОБРАТНАЯ» МЕТАФОРА КОРАБЛЯ: ЧЕРЕЗ СОЦИУМ
К МЕТАФИЗИКЕ.....69

А.П. Петухова

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ РЯД В ТЕКСТАХ
РУССКИХ КОНСЕРВАТОРОВ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.:
ЧТО ДАЕТ ИСТОРИКУ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ.....80

Л.Б. Сукина

ВИЗУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА СРЕДНЕВЕКОВОГО СОЦИУМА
НА РУССКИХ ИКОНАХ «О ТЕБЕ РАДУЕТСЯ»
КОНЦА XV–XVI В.....99

Д.Д. Харман

ТАК СУДЬБА СТУЧИТСЯ В ДВЕРЬ: «ЖИРНАЯ КУХНЯ» И
«БЕДНАЯ КУХНЯ» ПИТЕРА БРЕЙГЕЛЯ СТАРШЕГО КАК
МЕТАФОРА НИДЕРЛАНДСКОГО ОБЩЕСТВА XVI в.....123

А.Е. Махов

СТОИЦИЗМ И ЕГО МЕТАФОРЫ В КНИЖНОЙ
ЭМБЛЕМАТИКЕ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ.....145

ОБРАЗЫ ВЛАСТИ

М.А. Ведешкин

ОТ «ГРЕЧИШКИ» ДО «МОЛНИИ»: О МНОГИХ ПРОЗВИЩАХ
ИМПЕРАТОРА ЮЛИАНА.....176

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

О.А. Соколов

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ В ПОЭЗИИ И ПРОЗЕ ЭПОХИ
АРАБСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ.....201

РЕЦЕНЗИИ

А.Б. Герштейн

МИР МЕЖДУ РАЕМ И АДом: ПРАЗДНИК ТРЁХ ЦАРЕЙ
ИЕРОНИМА БОСХА (Рец. на: *М.Р. Майзульс. Между Христом и
Антихристом: «Поклонение Волхвов» Иеронима Босха».*
М.: Альпина нон-фикшн, 2021. 238 с.).....218

SUMMARIES.....223

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....230

ПОЛИТИКА ЖУРНАЛА.....232

СОДЕРЖАНИЕ.....233

CONTENTS.....235

CONTENTS

SOCIAL ENTITIES AND THEIR METAPHORICAL INTERPRETATIONS

S.I. Luchitskaya

METAPHORS OF SOCIETY: THE MEDIEVAL AND EARLY
MODERN SOCIAL IMAGINATION (in lieu of an introduction).....5

A.V. Rusanov

THE HOUSE OF SCHOLARSHIP, THE SEEDS OF KNOWLEDGE,
THE TREASURY OF SCIENCE: RHETORICAL IMAGERY
AND SOCIAL METAPHORS OF 13th AND 14th CENTURIES
WESTERN EUROPEAN ACADEMIC COMMUNITIES.....16

P.S. Bychkov

THE USE OF BODY METAPHOR IN DESCRIBING THE
SOCIAL IN CHRISTINE DE PIZAN'S "THE BOOK OF
THE BODY POLITIC".....35

L.A. Pimenova

FROM THE MONARCHY TREE TO NATION: THE USE
OF METAPHORS IN EARLY MODERN FRENCH
POLITICAL DISCOURSE.....51

T.V. Artemyeva

THE 'REVERSE' SHIP METAPHOR: APPROACHING
METAPHYSICS VIA SOCIETY.....69

A.P. Petukhova

THE STRUGGLE FOR THE AUDIENCE: METAPHORS IN THE
TEXTS OF LATE 19th AND EARLY 20th CENTURIES
RUSSIAN CONSERVATIVES.....80

L.B. Sukina

A VISUAL METAPHOR OF THE MEDIEVAL SOCIETY IN
THE LATE 15th – EARLY 16th CENTURIES RUSSIAN
"IN THEE REJOICETH" ICONS99

D.D. Harman

THUS FATE KNOCKS AT THE DOOR: PIETER BRUEGEL

THE ELDER'S 'THE FAT KITCHEN' AND 'THE THIN KITCHEN' AS A METAPHOR OF SOCIAL MOBILITY.....	123
---	-----

A.Eu. Makhov

STOICISM AND ITS METAPHORS IN EARLY MODERN EMBLEM BOOKS.....	145
---	-----

IMAGES OF POWER

M.A. Vedeshkin

FROM 'GREEKLING' TO 'THUNDERBOLT': THE MANY NICKNAMES OF EMPEROR JULIAN.....	176
---	-----

HISTORICAL MEMORY

O.A. Sokolov

THE CRUSADES IN THE ARABIC RENAISSANCE POETRY AND PROSE.....	201
---	-----

REVIEWS

A. B. Gerstein

THE WORLD BETWEEN PARADISE AND HELL: "FEAST OF THE THREE KINGS" BY H. BOSCH (Rev.: <i>Maizuls M.R.</i> Between Christ and Antichrist: "The adoration of the Magi" by H. Bosch. Moscow.: Alpina non-fiction, 2021. 238 p.).....	218
---	-----

SUMMARIES.....	223
----------------	-----

POLICY PAGE.....	232
------------------	-----

LIST OF AUTHORS.....	233
----------------------	-----

CONTENTS.....	235
---------------	-----